

СТИВЕН
КИНГ

НА ПОДЪЕМЕ

Вселенная Стивена Кинга

Стивен Кинг

На подъеме

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84 (7Сое)-44

Кинг С.

На подъеме / С. Кинг — «Издательство АСТ»,
2018 — (Вселенная Стивена Кинга)

ISBN 978-5-17-112472-4

Скотт Кэри – обычный американец с не совсем обычной проблемой: он стремительно теряет вес, однако внешне остается прежним. И неважно, взвешивается ли он в одежде, карманы которой набиты мелочью, или без нее – весы показывают одни и те же цифры. Помимо этого, Скотта беспокоит еще кое-что... Его новые соседи Дейдре Маккомб и Мисси Дональдсон. Точнее, их собаки, обожающие портить его лужайку... Но время идет, и тайная болезнь Скотта прогрессирует с каждым днем. Не повод ли это что-то изменить? Именно поэтому, пока город готовится к ежегодному забегу в честь Дня благодарения, Скотт, несмотря на все разногласия, решает помочь своим соседкам стать частью Касл-Рока и наладить их взаимоотношения с жителями. Получится ли у него доказать, что у каждого человека, пусть даже холодного как лед, есть своя светлая сторона?..

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-112472-4

© Кинг С., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

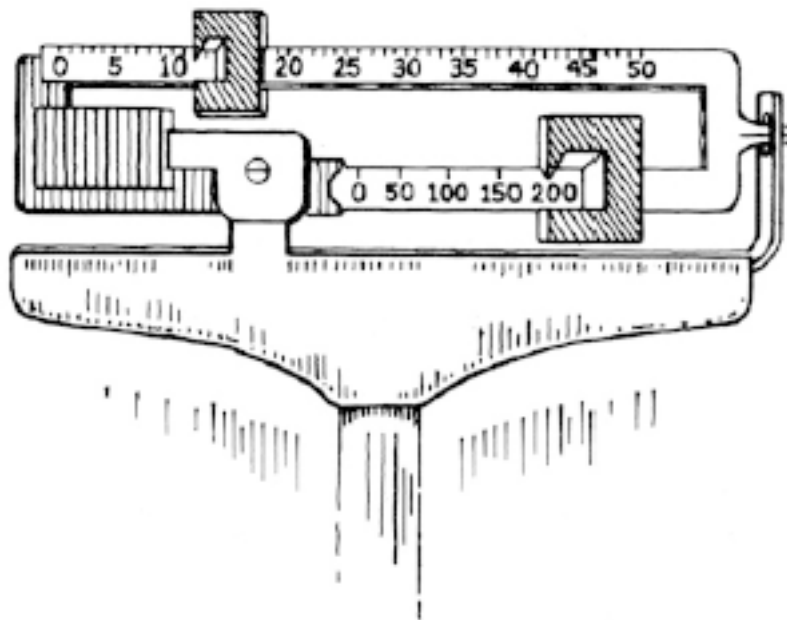
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Стивен Кинг На подъеме

Смыслами о Ричарде Матесоне

Глава 1 Потеря веса

Скотт Кэри постучал в дверь Эллисов, и Боб Эллис (он вышел на пенсию пять лет назад, но все в Хайленд-Эйкерс по-прежнему называли его доктором Бобом) впустил его в дом.

– Доброе утро, Скотт. Ровно в десять, минута в минуту. Чем я могу тебе помочь?

Скотт был крупным мужчиной, ростом шесть футов четыре дюйма, с наметившимся животом.

– Я даже не знаю. Может быть, и ничем, но... У меня проблема. Надеюсь, что небольшая. Но может, и большая.

– Проблема, с которой ты не захотел обращаться к своему лечащему врачу?

Эллису было семьдесят четыре. Его седые волосы поредели, и он ходил, чуть прихрамывая, однако на теннисном корте хромота несколько ему не мешала. Они со Скоттом познакомились в теннисном клубе и стали друзьями. Может быть, не особенно близкими, но друзьями.

– Я к нему обращался, – ответил Скотт, – и прошел медосмотр. Все равно надо было его проходить. Анализ крови, анализ мочи, предстательная железа, весь джентльменский набор. Все проверили от и до. Уровень холестерина немного повышен, но в пределах нормы. Я боялся, что у меня диабет. Прочитал на «Веб Эм-Ди», что это наиболее вероятный вариант.

Боялся, пока не обнаружил одну странность. С одеждой. О таком не писали ни на одном сайте.

Эллис провел Скотта в гостиную, где большое эркерное окно выходило на зеленую лужайку касл-рокского гольф-клуба закрытого коттеджного городка, в котором доктор Боб теперь жил с женой. Старый доктор любил иногда сыграть в гольф, но все же предпочитал теннис. Гольфом увлекалась его жена, и Скотт подозревал, что именно по этой причине Эллисы жили в Хайленд-Эйкерс, когда не уезжали на зиму во Флориду, где снимали коттедж в точно таком же спортивно-оздоровительном городке.

Эллис сказал:

– Майры нет дома, она на собрании женской группы прихожанок методистской церкви. Или, может, на заседании городского комитета. Завтра она едет в Портленд на собрание

клуба микологов Новой Англии. Эта женщина скачет туда-сюда, как бешеный кролик. Снимай куртку, садись и рассказывай, что у тебя за проблема.

Хотя сейчас, в самом начале октября, было не так уж холодно, Скотт пришел в теплой зимней куртке. Когда он снял куртку и положил рядом с собой на диван, в карманах что-то зазвенело.

– Хочешь кофе? Чай? Кажется, с завтрака осталась выпечка...

– Я теряю вес, – внезапно произнес Скотт. – Вот в чем проблема. Это даже забавно. Я уже лет десять не вставал на весы, потому что был не в восторге от того, что они мне показывали. А теперь каждое утро, как только проснусь, сразу бегу в ванную взвешиваться.

Эллис кивнул:

– Ясно.

Уж *ему*-то не нужно бояться вставать на весы, подумал Скотт; таких крепких, жилистых стариков бабушка Скотта называла ядреными сморчками. Он проживет еще лет двадцать, если не случится никаких непредвиденных катаклизмов. Может быть, даже справит свой сотый юбилей.

– Я понимаю, почему люди боятся взвешиваться. Это особая фобия, и я с ней сталкивался постоянно, когда принимал пациентов. Встречал и прямо противоположное поведение. Навязчивое желание взвешиваться. Как правило, это характерно для тех, кто страдает булимией или анорексией. Насколько я вижу, ты не страдаешь ни тем ни другим. – Эллис наклонился вперед, зажав руки между костлявыми коленями. – Ты же *понимаешь*, что я на пенсии? Я могу дать совет, но не могу назначить лечение. И скорее всего я посоветую вновь обратиться к лечащему врачу и рассказать ему все как есть.

Скотт улыбнулся:

– Скорее всего мой лечащий врач тут же заставит меня лечь в больницу для всестороннего обследования, а я в прошлом месяце получил крупный заказ. Дизайн сайтов для сети крупных универмагов. Не буду вдаваться в подробности, но это большая удача, такой заказ. Для меня это шаг вперед, возможность выйти на новый уровень, и можно работать прямо из дома. В этом вся прелесть компьютерной эры.

– Но ты не сможешь работать, если заболеешь, – возразил Эллис. – Ты умный парень, Скотт, и я уверен, ты знаешь, что резкая потеря веса может быть симптомом не только диабета, но и рака. Среди прочего. О какой потере веса идет речь?

– Двадцать восемь фунтов. – Скотт посмотрел в окно. Белые гольф-кары неспешно катились по зеленой траве под ослепительно-синим небом. На фотографии на сайте Хайленд-Эйкерс это смотрелось бы очень круто. Скотт был уверен, что у Хайленд-Эйкерс есть свой сайт – сейчас у всего есть свой сайт, даже у придорожных киосков, где продают кукурузу и яблоки, – но этот сайт делал не он. Он давно перешел к более серьезным проектам. – На сегодняшний день.

Боб Эллис улыбнулся, показав зубы, до сих пор свои собственные.

– Да, это немало, но, полагаю, такая потеря веса пошла тебе на пользу. Для твоих габаритов ты хорошо двигаешься на корте, и я знаю, ты ходишь в спортзал, занимаешься на тренажерах, однако лишний вес – это нагрузка не только на сердце, но и на весь организм. Уверен, тебе это известно. От «Веб Эм-Ди». – Он закатил глаза, и Скотт улыбнулся. – Сколько ты весишь сейчас?

– Угадайте, – сказал Скотт.

Боб рассмеялся:

– Я не гадалка на ярмарке. Я не угадываю вес и не предсказываю судьбу.

– Сколько вы проработали в медицине? Лет тридцать пять?

– Сорок два года.

– Тогда не скромничайте. За столько лет вы взвесили тысячи пациентов. – Скотт поднялся с дивана и выпрямился в полный рост. Высокий, плечистый мужчина в джинсах, клетчатой фланелевой рубашке и потертых ботинках «Джорджия джайнтс». Больше похожий на лесоруба или объездчика лошадей, чем на веб-дизайнера. – Угадайте мой вес. Мою судьбу мы обсудим позже.

Доктор Боб окинул Скотта Кэри профессиональным взглядом, все его семьдесят шесть дюймов роста – в ботинках, наверное, семьдесят восемь. Взгляд Эллиса задержался на животе Скотта, нависшем над ремнем джинсов, и на мускулистых ногах, накачанных на тренажерах в спортзале, куда сам доктор больше не ходил.

– Расстегни рубашку и покажи, что под ней.

Под рубашкой оказалась серая футболка с надписью «СПОРТИВНАЯ КАФЕДРА УНИВЕРСИТЕТА МЭНА», а под футболкой – широкая грудь, мускулистая, но с заметными жировыми отложениями, которые умники-мальчишки прозвали мужскими сиськами.

– Я бы сказал... – Эллис секунду помедлил. Теперь ему самому стало интересно решить эту задачу. – Я бы сказал, двести тридцать пять фунтов. Может быть, двести сорок. Получается, раньше ты весил около двухсот семидесяти. Надо сказать, на теннисном корте по тебе этого видно не было. Никогда бы не подумал, что ты столько вешишь.

Скотт вспомнил, как обрадовался пару недель назад, когда наконец-то нашел в себе мужество встать на весы. Обрадовался – не то слово. Да, стабильные темпы потери веса за прошедшие две недели внушали тревогу, но не особенно сильную. И только когда он обнаружил нечто необычное касательно своей одежды, тревога сменилась страхом. Даже без «Веб Эм-Ди» было ясно, что происходящее с одеждой не просто странно, а *пугающе* странно.

За окном проехал гольф-кар, в котором сидели двое мужчин средних лет, один – в розовых брюках, другой – в зеленых, оба явно с избыточным весом. Скотт подумал, что им бы точно не помешало побольше ходить пешком.

– Скотт? – сказал доктор Боб. – Ты о чем-то задумался?

– Да так, ни о чем, – ответил Скотт. – Когда мы в последний раз играли в теннис, я действительно весил двести сорок. Я знаю, потому что в тот день я таки встал на весы. Решил, что пора сбросить несколько фунтов. А то мне уже не хватало дышалки под конец третьего сета. Но сегодня утром я весил двести двенадцать фунтов.

Он снова сел на диван рядом со своей курткой (которая вновь зазвенела). Боб пристально посмотрел на него.

– Ты не производишь впечатления человека, весящего двести двенадцать фунтов, Скотт. Уж прости, но ты выглядишь явно потяжелее.

– Но здоровым?

– Да.

– Не больным?

– Нет. По крайней мере с виду, но...

– У вас есть весы? Наверняка есть. Давайте проверим.

Доктор Боб на секунду задумался, не сидит ли проблема Скотта в сером веществе у него в голове. За свою долгую практику Боб не раз сталкивался с неврозами по поводу лишнего веса. И хотя такие неврозы были характерны скорее для женщин, с мужчинами это тоже случалось.

– Ладно, давай проверим. Идем.

Боб провел гостя в кабинет, заставленный книжными шкапами. На одной стене висела анатомическая таблица в рамке, на другой – подборка дипломов. Скотт устался на пресс-папье, стоявшее на столе между компьютером и принтером. Боб проследил за его взглядом и рассмеялся. Потом схватил череп и бросил Скотту.

– Это не кость, а пластмасса, так что не бойся его уронить. Подарок от старшего внука. Ему тринадцать, самый возраст для безвкусных подарков. Ладно, давай тебя взвесим.

В углу стояли массивные механические весы с двумя гирьками, большой и маленькой, которые нужно было передвигать по шкалам, пока стальной стерженек не придет в равновесие. Эллис похлопал по весам.

– Единственное, что я забрал домой из рабочего кабинета, когда вышел на пенсию: анатомическая таблица и эти весы. «Сека», лучшие медицинские весы из всех существующих. Давний подарок жены. А уж Майра всегда отличалась хорошим вкусом. И никогда не экономила на близких людях.

– Они точные?

– Скажем так: если я взвешу на них двадцатипятифунтовый мешок муки и весы покажут двадцать четыре, я вернусь в магазин и потребую назад деньги. Тольконими ботинки, если хочешь получить точный результат. И зачем ты взял куртку?

– Сейчас поймете. – Скотт не стал снимать ботинки. Больше того, он надел куртку, в карманах которой опять что-то звякнуло. И вот так, одетым для улицы, причем для погоды явно похолоднее нынешней, он встал на весы. – Приступим?

С учетом ботинок и куртки Боб отодвинул противовес на отметку в двести пятьдесят фунтов, а потом стал перемещать его назад, сперва ведя, затем легонько подталкивая. Стержень со стрелкой никак не хотел подниматься. Ни на двухстах сорока фунтах, ни на двухстах тридцати, ни на двухстах двадцати. Доктор Боб не понимал, что происходит. Он никогда бы не подумал, что такое возможно. Даже если не принимать во внимание ботинки и куртку, Скотт Кэри на вид был значительно тяжелее. Да, доктор мог ошибиться на пару фунтов, пытаясь определить вес на глаз, но за свою долгую практику он взвесил так много мужчин и женщин с избыточным весом, что просто не мог ошибиться *настолько*.

Стержень пришел в равновесие на двухстах двенадцати фунтах.

– Чтоб мне провалиться, – сказал доктор Боб. – Надо срочно их перекалибровать.

– Не надо. – Скотт сошел с весов, запустил руки в карманы куртки и достал из каждого по большой горсти монет. – Я много лет копил четвертаки, складывал их в антикварный ночной горшок. Когда Нора ушла, горшок был почти полон. У меня в каждом кармане на пять фунтов мелочи. Может быть, даже больше.

Эллис ничего не сказал. Он лишился дара речи.

– Теперь вам понятно, почему я не хотел обращаться к доктору Адамсу? – Скотт ссыпал весело звякнувшие монеты обратно в карманы.

Эллис нашел в себе силы заговорить:

– Давай уточним. Правильно ли я понимаю... Сегодня ты взвесился дома, и вес был точно такой же?

– До фунта. У меня электронные «Озери». Может быть, не такие хорошие, как ваш агрегат, но я их проверял, и они точные. Теперь смотрите. Обычно я устраиваю стриптиз под бодрую музыку, но поскольку мы с вами не раз видели друг друга в раздевалке спортивного клуба, обойдемся без музыкального сопровождения.

Скотт снял куртку и повесил ее на спинку стула. Потом, опершись о стол доктора Боба сперва одной рукой, затем другой, снял ботинки. Потом – рубашку. Расстегнул ремень на джинсах, снял джинсы и остался в футболке, трусах и носках.

– Можно снять и их тоже, – сказал Скотт, – но они не так много весят. Все самое тяжелое я уже снял. Вот что меня напугало. Эта странность с одеждой. Сейчас вы поймете, почему я не хотел обращаться к лечащему врачу, а хотел поговорить с другом, которому можно доверить секрет. – Скотт показал на одежду, валявшуюся на полу, потом на куртку с карманами, набитыми монетами. – Сколько, по-вашему, все это весит?

– Вместе с монетами? Как минимум четырнадцать фунтов. Может, и все восемнадцать. Хочешь их взвесить?

– Нет, – ответил Скотт.

Он опять встал на весы. Эллису не пришлось передвигать гирьки. Стержень сохранил равновесие на двухстах двенадцати фунтах.

Скотт оделся, и они вернулись в гостиную. Доктор Боб налил им обоим по чуть-чуть «Вудфорд Резерв», и хотя было только десять утра, Скотт не стал отказываться от виски. Он осушил свой бокал одним глотком и почувствовал, как внутри разлилось приятное тепло. Эллис сделал два маленьких глоточка, словно проверяя качество напитка, и залпом допил остальное.

– Так не бывает, – сказал он, поставив на столик пустой стакан.

Скотт кивнул:

– Вот почему я не хотел обращаться к доктору Адамсу.

– Потому что все сведения о пациентах поступают в единую базу данных, – сказал Эллис. – И твой лечащий врач стал бы настаивать на госпитализации, чтобы ты прошел полное медицинское обследование.

Скотт не стал говорить этого вслух, но подумал, что «настаивать» – это еще мягко сказано. В кабинете у доктора Адамса в голове Скотта вертелась фраза «принудительная госпитализация». Вот тогда он и решил держать рот на замке и обратиться за помощью к своему другу, врачу на пенсии.

– *С виду* ты вешишь не меньше двухсот сорока фунтов, – сказал Эллис. – Ты на столько же себя и чувствуешь?

– Не совсем. Я себя чувствовал... э... *грузновато*, когда действительно весил двести сорок фунтов. Не знаю, есть ли такое слово, но именно так я себя и чувствовал.

– Кажется, есть. Но даже если и нет, это хорошее слово.

– И дело было не только в избыточном весе, хотя и в нем тоже. Но тут еще возраст и...

– Развод? – мягко спросил Эллис своим фирменным голосом доброго доктора.

Скотт вздохнул.

– Да, и он тоже. Наверное, я до сих пор от него не оправился. То есть со временем стало легче. *Мне* стало легче. Но рана еще не затянулась, врать не буду. Однако физически я себя чувствовал очень даже неплохо. По-прежнему занимался на тренажерах три раза в неделю и на корте выдыхался только к третьему сету, просто мне было... чуть *грузновато*. А теперь я не чувствую лишнего груза. Почти не чувствую.

– Больше энергии.

Скотт секунду подумал и покачал головой:

– Не совсем. Скорее энергия, которая есть, расходуется экономнее.

– Сонливость? Усталость?

– Нет.

– Потеря аппетита?

– Я ем как лошадь.

– И последний вопрос. Извини, но я должен его задать.

– Хорошо. Задавайте.

– Это не розыгрыш? Ты не решил подшутить над старым доктором-пенсионером?

– Нет, это не розыгрыш, – сказал Скотт. – Наверное, не стоит и спрашивать, сталкивались ли вы с чем-то подобным. Но может быть, вы о чем-то таком читали?

Эллис покачал головой:

– Одежда, вот что меня поражает. И эта мелочь в карманах...

Добро пожаловать в клуб, подумал Скотт.

– Невозможно, чтобы человек без одежды весил столько же, сколько в одежде. Это такая же непреложная истина, как закон всемирного тяготения.

– Есть ли какие-то специальные сайты, где можно проверить, известны ли медицине подобные случаи? Или хотя бы похожие?

– Я проверю, но могу сразу сказать, что ничего подобного не было. – Эллис секунду помедлил. – Я не сталкивался ни с чем похожим, более того, этот случай выходит за рамки всего *человеческого* опыта. Черт, хотелось бы мне заявить, что такое невозможно. При условии, что наши весы не врут, а у меня нет оснований думать, что они врут. Что с тобой произошло, Скотт? Что было причиной? Ты... я не знаю... попал под какое-нибудь облучение? Может, случайно вдохнул какой-то неизвестный аэрозоль от насекомых? Подумай.

– Я *уже* думал. Вроде бы ничего необычного не было. Но одно я знаю точно: теперь, когда я вам рассказал, мне стало легче. Трудно держать такое в себе.

Скотт поднялся с дивана и подхватил свою куртку.

– Ты куда?

– Домой. Мне надо работать. Это важный заказ. Хотя, по правде говоря, он уже не кажется мне настолько важным, как раньше.

Эллис проводил его до двери.

– Ты говорил, что заметил стабильную потерю веса. Медленную, но стабильную.

– Да. Примерно по фунту в день.

– Независимо от того, сколько ты ешь...

– Да. А если так и будет продолжаться?

– Не будет.

– Откуда вы знаете? Если это выходит за рамки человеческого опыта?

Доктор Боб не нашелся с ответом.

– Только, пожалуйста, никому не рассказывайте, – попросил Скотт.

– Хорошо. Если пообещаешь держать меня в курсе. Я беспокоюсь.

– Договорились.

Они вместе вышли на крыльцо и встали бок о бок, глядя на залитые солнцем холмы в буйстве осенних красок.

– Перейдем от возвышенного к смешному, – сказал доктор Боб. – Как у тебя дела с ресторанными барышнями-соседками? Я слышал, у вас был конфликт.

Скотт не стал спрашивать Эллиса, где он об этом слышал. Касл-Рок – город небольшой, и новости здесь разлетаются мгновенно. Тем более если супруга старого доктора входит во все городские и церковные комитеты.

– Если мисс Маккомб и мисс Дональдсон услышат, как вы называете их барышнями, они сразу внесут вас в свой черный список. А с учетом моих нынешних проблем мне сейчас не до них.

Через час Скотт сидел у себя в кабинете, в красивом трехэтажном доме на Касл-Вью, на вершине холма над городом. Дом обошелся в немалую сумму, и Скотт не стал бы так тратиться, будь он один. Но Нора хотела именно его, а Скотт хотел Нору. Сейчас она жила в Аризоне, Скотт же остался в доме, который был слишком большим даже для них двоих. Правда, кот тоже остался с ним. Скотт подозревал, что жене было труднее расстаться с Биллом, чем с ним самим. Это была неприятная, горькая мысль. Но правда обычно такой и бывает.

Надпись большими буквами в середине компьютерного экрана гласила: «ХОХШИЛЬД-КОН РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ». Скотт работал для другой сети универмагов, сеть «Хохшильд-Кон» закрылась почти сорок лет назад, но все новое – это хорошо забытое старое. Отсюда и название.

По двойному щелчку мыши на экране открылась картинка: старое здание «Хохшильд-Кон» (которое потом будет заменено на современное, принадлежащее компании, заказавшей ему дизайн сайта). Под фотографией шла надпись: *Вы вдохновляете, мы воплощаем.*

Именно слоган, придуманный за три секунды, и обеспечил ему этот заказ. Дизайнерские умения и таланты – это одно, вдохновение и способность придумывать хорошие лозунги – совсем другое. Если их объединить, получается что-то особенное. *Он* был особенным, теперь у него появилась возможность это доказать, и уж он постарается изо всех сил. Скотт знал, что в итоге ему придется работать с рекламным агентством, и они переделают его графику и переписут тексты по-своему, но слоган наверняка останется. И его основная концепция тоже останется. Она была достаточно сильной, чтобы выжить под огнем креатива нью-йоркских рекламщиков.

Он опять щелкнул мышью, и на экране возникла гостиная. Абсолютно пустая комната; даже без осветительных приборов. За окном виднелся кусочек зеленой лужайки, а именно поля для гольфа в Хайленд-Эйкерс, где Майра Эллис прошла столько лунок. Иногда в игре «двое на двое» партнершей Майры была бывшая жена Скотта, которая теперь жила (и, вероятно, играла в гольф) во Флагстаффе.

Кот по имени Кошак Билл вошел в комнату, сонно мяукнул и потерся о ногу Скотта.

– Сейчас я тебя покормлю, – пробормотал Скотт. – Через пару минут.

Как будто кот понимал, что такое минуты в частности и время вообще.

Как будто я сам понимаю, что это такое, подумал Скотт. Время невидимо, неосяземо. В отличие от веса.

Хотя, может, никакого отличия и не было. Да, вес можно почувствовать – когда страдаешь избыточным весом, тебе *грузовато*, – но разве вес, как и время, не просто концепция, выдуманная человеком? Стрелки на циферблате часов, цифры на экране электронных весов – что это, если не попытка измерить невидимое влияние, дающее видимые результаты? Слабенькая попытка заглянуть в высшую реальность, что скрывается за той реальностью, которую мы, люди, считаем единственной?

– Не забивай себе голову, иначе свихнешься.

Билл снова мяукнул, будто соглашаясь, и Скотт вернулся к работе.

В поисковом окошке над пустой гостиной было написано: «Выберите стиль». Скотт напечатал: «Колониальный стиль», – и экран ожил, но не весь сразу, а по частям, постепенно, будто внимательный покупатель тщательно выбирал каждый предмет интерьера и добавлял его в общую картину. Кресла, диван, розовые стены, скорее раскрашенные по трафарету, а не обклеенные обоями, большие напольные часы, лоскутный коврик на полу. Камин с уютным огоньком. Люстра с плафонами в виде керосиновых ламп на деревянных спицах. Слегка чересчур, на вкус Скотта, но сотрудники отдела продаж уверяли, что потенциальные покупатели будут в восторге от таких люстр.

Можно было переключиться на спальню, салон, кабинет и обставить их в том же колониальном стиле. Или вернуться в окошко поиска и выбрать для этих виртуальных комнат другой стиль: гаррисон, крафтсман или деревенский. Но сегодня Скотт занимался стилем королевы Анны. Он открыл ноутбук и принялся подбирать демонстрационные образцы из каталога.

Через сорок пять минут Билл вернулся, снова потерся о ноги Скотта и замыкал настойчивее.

– Хорошо, хорошо. – Скотт поднялся и пошел на кухню. Кошак Билл гордо шествовал впереди, держа хвост трубой. Он ступал по-кошачьи легко и упруго, и Скотт тоже чувствовал невероятную легкость в ногах. Бодрая поступь, летящий шаг.

Он выложил «Фрискис» в кошачью миску. Билл жадно набросился на еду, а Скотт вышел на крыльцо, чтобы глотнуть свежего воздуха, прежде чем возвращаться к «ушастым» креслам Селби, уинфрийским кушеткам и высоким комодам на знаменитых изогнутых ножках, характерных для стиля королевы Анны. Стиля, по мнению Скотта, подходящего разве что для похоронных бюро. Массивные формы, тщившиеся казаться легкими. Но как говорится, о вкусах не спорят.

На крыльцо он вышел вовремя. Соседские «барышни», как назвал их доктор Боб, собрались на пробежку и уже сворачивали со своей подъездной дорожки на Вью-драйв, сверкая длинными, стройными ногами в крохотных спортивных шортах: синие у Дейдре Маккомб, красные у Мисси Дональдсон. Обе были в одинаковых белых футболках с рекламой их ресторана на Карбин-стрит. Следом за ними бежали два почти одинаковых боксера, Дам и Ди.

Скотту вспомнилось, что сказал на прощание доктор Боб (возможно, лишь для того, чтобы закончить их встречу на более легкой ноте). Что-то про конфликт Скотта с ресторанными барышнями. Доктор не ошибся. Это была не горечь былых отношений и не загадочная потеря веса, а скорее выскочившая на губе лихорадка, которая никак не желала проходить. Особенно Скотта раздражала Дейдре, с ее вечной слегка презрительной улыбочкой, словно говорившей: *Господи, дай мне сил вытерпеть этих придурков.*

Решение пришло внезапно. Скотт быстро сбежал к себе в кабинет (ловко перемахнув через Билла, разлегшегося на полу в прихожей) и схватил со стола планшет. Бегом вернулся на крыльцо и запустил приложение для фотокамеры.

Он не боялся, что его заметят. Крыльцо было застеклено, а соседки и не смотрели в его сторону. Они бежали по обочине, сверкая ослепительно-белыми кроссовками и ритмично покачивая собранными в хвост волосами. Их собаки, коренастые, но еще молодые и вполне бодрые, трусили следом.

Скотт уже дважды ходил к соседкам по поводу этих собак. Оба раза он разговаривал с Дейдре и терпеливо выслушивал, как она с неизменной презрительной улыбочкой разъясняла ему, что их собаки никак не могут делать свои дела у него на лужайке. Их задний двор огорожен забором, говорила она, а когда они все вместе выходят на улицу («Ди и Дам всегда сопровождают нас с Мисси на ежедневных пробежках»), собаки, будучи очень воспитанными, никогда не позволяют себе ничего *такого*.

– Они, наверное, чуют моего кота, – сказал тогда Скотт. – Это война за территорию. Я все понимаю. Я понимаю, что вам не хочется брать собак на поводок, когда вы выходите на пробежку, но я был бы очень признателен, если бы вы проверяли мою лужайку на обратном пути и при необходимости приводили ее в порядок.

– *Приводили в порядок*, – повторила Дейдре, улыбаясь. – Звучит немного по-милитаристски, но, наверное, это мои тараканы.

– Называйте, как вам больше нравится.

– Мистер Кэри, возможно, собаки действительно, как вы выражаетесь, *делают свои дела* на вашей лужайке, но это не *наши* собаки. Может быть, вас беспокоит что-то еще? Нет ли у вас, часом, предубеждений против однополых браков?

Скотт чуть не рассмеялся, но это был бы плохой – даже трамповский – дипломатический ход.

– Ни в коем случае. У меня предубеждение против сюрпризов, оставленных на моей лужайке одним из ваших боксеров.

– Замечательно поговорили, – сказала Дейдре все с той же презрительной улыбочкой (которая не то чтобы бесила, как она, вероятно, надеялась, однако изрядно раздражала) и аккуратно, но твердо захлопнула дверь у него перед носом.

Впервые за долгое время Скотт и думать забыл о своей странной потере веса. Он наблюдал, как две женщины и две собаки приближаются к его участку. Дейдре и Мисси разговаривали на бегу и над чем-то смеялись. Их покрасневшие лица блестели от пота и лучились здоровьем. Маккомб была явно лучшей бегуньей в их паре. Даже издали было заметно, как она сдерживает темп, чтобы партнерша не отставала. Они совершенно не обращали внимания на собак у себя за спиной, но это не означало, будто они пренебрегали безопасностью питомцев; на Вью-драйв всегда было мало машин, особенно днем. И при всей своей неприязни к

соседским боксерам Скотт вынужден был признать, что они образцово держатся подальше от проезжей части. В этом смысле они действительно были прекрасно воспитаны.

Сегодня ничего не будет, подумал он. Когда ты готов, ничего не бывает. А как было бы здорово стереть эту презрительную улыбочку с лица мисс Маккомб...

Но, как оказалось, он ждал не напрасно. Один из боксеров свернул в сторону, и второй тут же последовал за ним. Ди и Дам забежали на лужайку Скотта и присели бок о бок. Скотт поднял планшет и быстро сделал три снимка.

В тот вечер, после раннего ужина, состоявшего из большой порции спагетти с соусом карбонара и куска шоколадного чизкейка, Скотт встал на весы в тайной надежде, что все странности наконец закончились и теперь жизнь вернется в нормальное русло. Этой надеждой он тешил себя последние дни, но она снова не оправдалась. Несмотря на только что съеденный плотный ужин, весы показали 210,8 фунта.

Кошак Билл наблюдал за ним, сидя на закрытой крышке унитаза.

– Что ж, – сказал ему Скотт, – ничего не поделаешь, верно? Как всегда говорила Нора, возвращаясь со своих собраний, мы сами творим свою жизнь, и иногда надо просто принять все как есть.

Билл зевнул.

– Но кое-что изменить можно, да? Оставайся за старшего. Я скоро вернусь.

Он взял свой айпад и быстрым шагом преодолел четверть мили до отремонтированного фермерского дома, где Маккомб с Дональдсон поселились месяцев восемь назад, когда переехали в Касл-Рок и открыли здесь ресторан мексиканской кухни «Поле фрихоле». Скотт знал их ежедневное расписание, как всякий человек невольно знакомится с расписанием соседей. Сейчас было самое подходящее время, чтобы застать Дейдре одну. Мисси, шеф-повар, выходила из дома около трех часов дня, чтобы заняться готовкой на вечер. Дейдре, представительская половина в их паре, выходила на два часа позже, примерно в пять. Как понял Скотт, Дейдре была у них главной и на работе, и дома. Мисси Дональдсон еще в самом начале показалась ему очень милой тихоней, глядящей на мир одновременно со страхом и удивлением. Причем страх явно преобладал над удивлением. Возможно, Маккомб считала себя не только партнершей, но и защитницей Мисси? Может быть. Вероятно.

Он поднялся на крыльцо и позвонил в дверь. Ди и Дам на заднем дворе услышали трель звонка и отозвались громким лаем.

Дейдре открыла дверь. Она была в элегантном облегающем платье, которое, безусловно, будет смотреться еще шикарнее, когда его обладательница встанет за стойкой администратора в ресторане, встречая гостей. Главным достоинством Дейдре были глаза: серо-зеленые, совершенно чарующего оттенка, с чуть приподнятыми уголками.

– А, мистер Кэри, – сказала она. – Как приятно вас видеть. – Ее улыбка ясно давала понять, что она предпочла бы не видеть его никогда. – Я пригласила бы вас зайти, но мне уже нужно бежать в ресторан. Сегодня у нас забронированы почти все места. Сейчас самый сезон созерцать краски осени.

– Я вас не задержу, – сказал Скотт, улыбаясь в ответ. – Я просто зашел кое-что вам показать. – Он поднял свой айпад, чтобы Дейдре увидела снимок, на котором Ди и Дам сидели рядышком на лужайке у дома Скотта и дружно испражнялись.

Она долго смотрела на фотографию на экране. Скотт наблюдал, как увядает ее улыбка, и почему-то не чувствовал ожидаемого удовлетворения.

– Ладно, – наконец проговорила она. Ее голос, лишившийся напускной бодрости, звучал устало и казался старше своей обладательницы, которой было, наверное, лет тридцать. – Ваша взяла.

– Суть не в том, чья возьмет, поверьте. – Произнеся это, Скотт сразу вспомнил слова своего преподавателя в колледже, однажды заметившего, что когда человек добавляет к сказанному «поверьте», ему верить нельзя.

– Я все поняла. Я не могу убрать за ними прямо сейчас, а Мисси уже на работе, но вечером, по дороге домой, я все уберу. Вам даже не нужно будет включать свет на крыльце. Я увижу... отходы... при свете уличного фонаря.

– Не нужно ни за кем убирать. – Скотт начал чувствовать себя вредным склочником. И ему почему-то стало неловко. *Ваша взяла*, сказала она. – Я уже все убрал. Я просто...

– Что? Хотели меня пристыдить? Считайте, что у вас получилось. Теперь мы с Мисси будем бегать в парке. У вас не будет причин жаловаться на нас муниципальным властям. Спасибо и всего хорошего. – Она начала закрывать дверь.

– Подождите минутку, – сказал Скотт. – Пожалуйста.

Она замерла и посмотрела на него без всякого выражения.

– Я не собирался жаловаться на вас из-за нескольких кучек собачьих какашек, мисс Маккомб. Я просто хочу, чтобы у нас были нормальные, добрососедские отношения. Скажу честно, меня обидело, как вы от меня отмахнулись. Не приняли меня всерьез. Так с соседями не поступают. Во всяком случае, здесь, в Касл-Роке.

– Да, мы знаем, *как* поступают с соседями, – ответила Дейдре. – *Здесь*, в Касл-Роке.

Она опять улыбнулась своей презрительной улыбочкой и быстро закрыла дверь. И все же Скотт успел разглядеть, как заблестели ее глаза. Будто от слез.

Мы знаем, как поступают с соседями здесь, в Касл-Роке, размышлял он по дороге домой. Что, черт возьми, это значило?

Через два дня позвонил доктор Боб и спросил, нет ли каких изменений. Скотт сказал, что все идет теми же темпами. Сейчас он весит 207,6 фунта.

– С каждым разом все меньше и меньше. Встаешь на весы и наблюдаешь обратный отсчет.

– И по-прежнему никаких изменений в физических габаритах? Размёре одежды? Обхвате талии?

– Габариты все те же, размеры тоже. Мне не надо утягивать ремень. И распускать тоже не надо, хотя я ем как не в себя. Яйца, бекон и сосиски на завтрак. Пицца с соусами на обед и на ужин. В день потребляю, наверное, три тысячи калорий. Если не четыре. Вы попытались что-то узнать?

– Да, – ответил доктор Боб. – Насколько я понимаю, подобные случаи науке неизвестны. Есть много отчетов о людях со сверхбыстрым метаболизмом – о людях, которые, как ты выражаешься, едят как не в себя и все равно остаются худыми, – но ни одного описанного случая, чтобы человек одинаково весил в одежде и без одежды.

– И это еще не все, – сказал Скотт и опять улыбнулся. В последнее время он улыбался довольно часто, и, наверное, с учетом сложившихся обстоятельств это было ненормально. Он терял вес, как больной на последней стадии рака, но при этом его работоспособность резко повысилась и он в жизни не чувствовал себя бодрее. Иногда, когда ему нужно было передохнуть от сидения за рабочим столом, он включал музыку и танцевал, кружась по комнате под ошарашенным взглядом Кошака Билла.

– Рассказывай.

– Сегодня утром я весил двести восемь фунтов ровно. Голый, сразу после душа. Потом взял в кладовке гантели, каждая – по двадцать фунтов, и встал на весы, держа их в руках. По-прежнему двести восемь.

Эллис долго молчал и наконец проговорил:

– Ты шутишь.

– Боб, мне не до шуток.

Эллис снова помолчал, а затем сказал:

– Как будто бы вокруг тебя образовалось некое силовое поле, отталкивающее вес. Я знаю, ты не хочешь ложиться на обследование, но твой случай действительно уникален. Это что-то принципиально новое. И грандиозное. Мы даже не в состоянии представить, каковы могут быть последствия.

– Я не хочу становиться подопытным кроликом, – сказал Скотт. – Поставьте себя на мое место.

– Но ты хотя бы подумаешь о таком варианте?

– Я уже думал. Мне как-то не хочется, чтобы мою фотографию напечатали в желтой прессе вроде «Взгляда изнутри», между портретами Ночного Летуна и Тощего Человека. К тому же мне надо закончить работу. Я обещал Норе часть денег, хотя получил этот заказ уже после развода. Но я уверен, что лишние деньги ей не помешают.

– Сколько это займет времени?

– Где-то полтора месяца. Потом еще будут правки и тестовые прогоны, уже после Нового года, но основная работа займет полтора месяца.

– Если так пойдет и дальше, к Новому году ты будешь весить сто шестьдесят пять фунтов.

– А с виду останусь таким же могучим дядькой, – сказал Скотт и рассмеялся. – Вот такие дела.

– У тебя замечательное настроение, если учесть, что с тобой происходит.

– Настроение действительно замечательное. Может быть, это и ненормально, но так оно и есть. Иногда я думаю, что это лучшая в мире программа снижения веса.

– Да, – сказал Эллис, – но чем все закончится, вот вопрос?

Через два дня после телефонного разговора с доктором Бобом кто-то тихо постучался в дверь дома Скотта. Если бы музыка – сегодня это были «Ramones» – играла чуть громче, Скотт вообще не услышал бы стука и гость ушел бы восвояси. Наверное, с облегчением, потому что когда Скотт открыл дверь, на крыльце стояла Мисси Дональдсон, напуганная до полусмерти. Он впервые увидел ее с того дня, когда заснял Ди и Дама, облегчавшихся у него на лужайке. Похоже, Дейдре сдержала слово, и теперь его соседки бегали в парке, держа собак на поводках. В противном случае их бы оштрафовали независимо от того, насколько хорошо были воспитаны боксеры. В парке строго запрещалось выгуливать собак без поводка. Скотт видел таблички.

– Мисс Дональдсон, – сказал он. – Добрый день.

Скотт никогда раньше не видел ее одну, без Дейдре. Он не стал переступать порог и постарался не делать резких движений, потому что боялся ее спугнуть. У нее и вправду был такой вид, будто, стоит ему шелохнуться, она тут же умчится прочь, словно дикий олень. Скотт внимательнее присмотрелся к своей неожиданной гостье. Блондинка. Не такая красивая, как ее партнерша, но симпатичная, с добрым лицом и ясными голубыми глазами. Было в ней что-то хрупкое, что-то, напомнившее Скотту мамины декоративные фарфоровые тарелки. Такую женщину трудно представить хлопочущей на кухне в ресторане среди бурлящих кастрюль и скворчащих сковородок, раскладывающей по тарелкам вегетарианские блюда и командующей младшими поварами.

– Чем могу быть полезен? Вы не зайдете? Хотите кофе... или, может быть, чаю?

Он еще не проговорил и половину этой вежливой формулы гостеприимства, а Мисси уже затрясла головой, причем так решительно, что ее длинный хвост перелетел с одного плеча на другое.

– Я пришла извиниться. За Дейдре.

– Вам вовсе незачем извиняться. И вовсе незачем гулять с собаками в парке, так далеко от дома. Все, о чем я прошу: берите с собой пару пакетов и проверяйте мою лужайку на обратном пути. Ведь это не трудно, правда?

– Совсем не трудно. Я говорила об этом Дейдре. Она чуть не откусила мне голову.

Скотт вздохнул:

– Мне очень жаль это слышать. Мисс Дональдсон...

– Вы можете звать меня Мисси, если хотите. – Она опустила взгляд и даже слегка покраснела, как будто сказала что-то не очень приличное.

– Конечно, хочу. Потому что мне хочется, чтобы у нас были нормальные, добрососедские отношения. Здесь так принято. Но, кажется, наше с вами знакомство началось неправильно, хотя я даже не знаю, в чем причина.

По-прежнему глядя себе под ноги, она сказала:

– Мы живем здесь почти восемь месяцев, а вы единственный раз по-настоящему с нами заговорили – с кем-то из нас, – когда наши собаки испачкали вашу лужайку.

Скотту стало неловко, потому что Мисси сказала правду.

– Я заходил к вам с пакетом пончиков, когда вы только-только сюда переехали, – ответил он (словно оправдываясь), – но вас не было дома.

Он думал, она сейчас спросит, почему он не зашел еще раз, но она не спросила.

– Я пришла извиниться за Дейдре, но еще я хочу объяснить, почему она злится. – Мисси подняла взгляд и посмотрела на Скотта. Было видно, что это потребовало немалых усилий, она сцепила руки в замок и прижала их к животу, но все же сумела заставить себя посмотреть ему прямо в глаза. – На самом деле она злится не на вас... то есть и на вас тоже, но вы не единственный. Она злится на всех. Переезд в Касл-Рок был ошибкой. Мы переехали сюда потому, что ресторан был почти готов к открытию, и цена была очень хорошая, и нам хотелось уехать из города – я имею в виду, из Бостона. Мы знали, что это рискованно, но риски казались вполне приемлемыми. И нам очень понравился Касл-Рок. Здесь так красиво. Впрочем, вы сами знаете.

Скотт кивнул.

– Но теперь нам, наверное, придется продать ресторан. Точно придется, если ничего не изменится к Дню святого Валентина. Это единственная причина, по которой она согласилась, чтобы ее фотографию разместили на той афише. Она не говорит о том, как все плохо, но знает это. Мы обе знаем.

– Она говорила, что сейчас самый сезон созерцать краски осени... и все говорят, лето в этом году было особенно удачным...

– Да, лето *было* хорошее, – немного воодушевившись, согласилась Мисси. – А что касается осенних туристов, у нас их не так уж много. В основном все едут дальше на запад, в Нью-Хэмпшир. Все-таки в Норт-Конуэе гораздо больше и туристических развлечений, и магазинов. Наверное, зимой будут лыжники, проездом до Вефиля или Шугарлофа...

Скотт не стал говорить, что большинство лыжников, направляющихся на курорты западного Мэна, объезжают Касл-Рок по шоссе номер два. Ему не хотелось еще больше ее огорчать.

– Но мы все равно не продержимся зиму без помощи местных. Вы же знаете, как это бывает, должны знать. Местные помогают друг другу пережить трудное время и продержаться до лета, когда начнется сезон отпусков и в городе снова появятся отдыхающие. Хозяйственный магазин, склад пиломатериалов, кафе «У Пэтси»... они держатся в голодные месяцы. Но местные почти не ходят к нам во «Фрихоле». Кто-то ходит, конечно, но таких очень мало. Дейдре говорит, это все потому, что мы с ней лесбиянки. И не просто лесбиянки, а *состоящие в браке*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.